

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА НА ТЕМУ: «АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА»

Задание 1

Прочитайте подборку стихотворений О.Мандельштама. Во всех предложенных произведениях звучат мотивы, навеянные античной культурой.

Задание 2.

Разделите все стихотворения на две группы: те, в которых выражено понимание какого-либо античного сюжета, и те, где античность дана как фон или призма, сквозь которую поэт воспринимает современную ему реальность – личную или историческую.

Задание 3.

Напишите краткий комментарий для каждого стихотворения с тех позиций, которые изложены в задании 3.

Задание 4.

Дома выучите одно из произведений наизусть.

Она ещё не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день.
И пены бледная сирень
В черно-лазореваем сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

1910 г.

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Эллагою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,-
На головах царей божественная пена,-
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер - всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915 г.

Я не увижу знаменитой «Федры»,
В старинном многоярусном театре,
С прокопченной высокой галереи,
При свете оплывающих свечей.
И, равнодушен к суете актеров,
Сбирающих рукоплесканий жатву,
Я не услышу, обращенный к рампе,
Двойною рифмой оперенный стих:

— Как эти покрывала мне постылы...

Театр Расина! Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира;
Глубокими морщинами волнует,
Меж ним и нами занавес лежит.
Спадают с плеч классические шали,
Расплавленный страданьем крепнет голос.
И достигает скорбного закала
Негодваньем раскаленный слог...

Я опоздал на празднество Расина...

Вновь шелестят истлевшие афиши,
И слабо пахнет апельсинной коркой,
И, словно из столетней летаргии,
Очнувшийся сосед мне говорит:

— Измученный безумством Мельпомены,
Я в этой жизни жажду только мира;
Уйдем, покуда зрители-шакалы
На растерзанье Музы не пришли!

Когда бы грек увидел наши игры...

1915

— Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела средь моего позора!

— Будет в каменной Трезене
Знаменитая беда,
Царской лестницы ступени
Покраснеют от стыда,
Гибель Федры беззаконной
Перейдёт из рода в род,
И для матери влюблённой
Солнце чёрное взойдет.

— О, если б ненависть в груди моей кипела —
Но, видите, само признание с уст слетело.

— Чёрным пламенем Федра горит
Среди белого дня
Погребальный факел чадит
Среди белого дня.
Бойся Солнце чёрное уймём.

матери, ты, Ипполит:
Федра — ночь — тебя сторожит
Среди белого дня.

— Любовью черною я солнце запятнала...
Смерть охладит мой пыл из чистого фиала.

— Мы боимся, мы не смеем
Горю царскому помочь.
Уязвлённая Тезеем
На него напала ночь.
Мы же, песнью похоронной
Провожая мертвых в дом,

Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдем.

1916 г.

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.

Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем,-
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.
1916 г.

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем,— и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки,— идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни:
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке:
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну а в комнате белой, как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала,
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена,—
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.

И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

1917 г.

КАССАНДРЕ

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре — торжественное бденье —
Воспоминанье мучит нас!

И в декабре семнадцатого года
Всё потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Но, если эта жизнь — необходимость бреда
И корабельный лес — высокие дома, —
Лети, безрукая победа —
Гиперборейская чума!

На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон!

Касатка милая, Кассандра,
Ты стонешь, ты горишь — зачем
Сияло солнце Александра,
Сто лет назад, сияло всем?

Когда-нибудь в столице шалой,
На скифском празднике, на берегу Невы,
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

Декабрь 1917 г.

На каменных отрогах Пиерии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким

От выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.

Бежит весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапужок,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется, перстенек.
Высокий дом построил плотник дюжий,
На свадьбу всех передушили кур,
И растянул сапужник неуклюжий
На башмаки все пять воловьих шкур.

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет,
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну, кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет?
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.

Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко?

1919 г.

Посоветовала кормилица
Ипполита извести.
Горьким дымом горе стелется,
Разъедает очи гарь.

.....
.....
.....
.....

Знаменитая беззаконница -
Федра солнце погребла,-

В очаге средь зала царского
Злится скучная зола!

Но светило златокудрое
Выздоровливает вновь,
Злая ложь и правда мудрая
Пред тобой равны, любовь.

1915 г.

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей - скалы подспорье и пособие?
А коршун где - и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?

Тому не быть - трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы -
Но эти губы вводят прямо в суть
Эхшила-грузчика, Софокла-лесоруба.

Он эхо и привет, он вежа,- нет, лемех...
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех -
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

19 января-4 февраля 1937, Воронеж

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем Акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

Декабрь 1920 г.

О временах простых и грубых
Копыта конские твердят.
И дворники в тяжёлых шубах
На деревянных лавках спят.

На стук в железные ворота
Привратник, царственно-ленив,
Встал, и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф!

Когда с дряхлеющей любовью
Мешая в песнях Рим и снег,
Овидий пел арбу воловью
В походе варварских телег.
1914 г.

Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.

Природа — тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить —
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!
1914 г.

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,

Как жалкий сор, дома и алтари.
1917 г.

С веселым ржанием пасутся табуны,
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уносит времени прозрачная стремнина.

Топча по осени дубовые листья,
Что густо стелются пустынною тропинкой,
Я вспомню Цезаря прекрасные черты —
Сей профиль женственный с коварною горбинкой!

Здесь, Капитолия и Форума вдали,
Средь увядания спокойного природы,
Я слышу Августа и на краю земли
Державным яблоком катящиеся годы.

Да будет в старости печаль моя светла.
Я в Риме родился, и он ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была
И - месяц Цезаря — мне август улыбнулся.
1915 г.

КОММЕНТАРИЙ К УРОКУ.

Задание 2.

Первая группа стихотворений:

- «Она еще не родилась...»
- «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»
- «Как этих покрывал...»
- «На каменных отрогах Пиерии...»
- «Посоветовала кормилица...»
- «Где связанный и пригвожденный стон...»

Вторая группа:

- Я не увижу знаменитой «Федры»...»
- «В Петрополе прозрачном мы умрём...»
- «Золотистого меда струя из бутылки текла...»
- Кассандре
- «За то, что я руки твои не сумел удержать...»

Задание 2.

- «Она еще не родилась...»

Сюжетом этого стихотворения является миф о рождении Афродиты, точнее описывается момент перед этим. Любовь, которая воплотится через мгновение в богине, есть «первооснова жизни».

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»

В этом стихотворении развивается та же тема любви, которую «всё движется»: и море, и поступки людей. «Когда бы не Елена, что Троя вам одна, ахейские мужи?» Речь идет о начале Троянской войны, описанной Гомером в поэме «Илиада». Хотя следует отметить, что спор Париса был спровоцирован Геей, которая устала носить такое большое число людей, и потребовалась война, чтобы уменьшить их количество.

***«Как этих покрывал...»**

В этом стихотворении отразился знаменитый античный сюжет о Федре, детям, впрочем, неизвестный. В средней школе это произведение, как и стихотворение «Посоветовала кормилица...», можно не давать для работы.

«На каменных отрогах Пиерии...»

Это самое насыщенное античными реалиями стихотворение. В первой строфе слышен миф о пиеридах (одно из названий муз), обитавших в Пиерии (местность во Фракии, названная по имени Пиера, который прибыл из Македонии, установил число муз и дал имена каждой из них). Во второй строфе образно говорится о поэзии Сафо. Третья строфа посвящена рождению лирической поэзии (от слова «лира»). Терпандр – имя древнейшего исторически засвидетельствованного музыканта. В последней строфе нарисован образ островов блаженных в царстве Аида, где живут безгрешные души. Пиндар так описывает эту вожденную местность:

Остров Блаженных
Овевается там веяньями Океана;
Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или воспаиваемые потоками.
Там они обвивают руки венками и цепями цветочными...

«Где связанный и пригвожденный стон...»

Очень трудное для комментария стихотворение, хотя трудно не согласиться, что именно эти сравнения Эсхила с грузчиком и Софокла с лесорубом точнее всего выражают особенности трагического мира обоих драматургов. Работая над этим стихотворением, можно ограничиться объяснением этих сравнений и общего настроения тоски по времени, пронизанному величием характеров: «Тому не быть – трагедий не вернуть...». Как пишет французская исследовательница Жаклин Ромийи, у Эсхила человек научается в горе,

принимая всё, что приносит ему Время: наказание за древние проступки, которое, как верит человек, ведет к торжеству справедливости, ибо таков неотвратимый божественный замысел. У Софокла же герои отказываются смириться с Роком и своей несгибаемой волей противостоят тому, что несет им Время, стремясь любой ценой удержать своё «я», ибо измена себе – вот подлинное несчастье для героев Софокла. Они – борцы. Нота тоски по героическому прошлому задана уже образом Прометея в первой строфе, причем поэт берет самый напряженный момент мифологического сюжета: когда герой отказывается назвать Зевсу имя того, кем будет свергнут громовержец, и тот в ярости посылает орла, который острым клювом терзает печень Прометея.

«Я не увижу знаменитой «Федры»...»

В этом произведении как бы двойной объектив: взгляд в античное прошлое через эпоху классицизма, поставившую античную модель в качестве образца и идеала. Но точка отсчета и то, что является главным, – современность. Обратим внимание на дату: 1915 год – Первая мировая война. Становится понятным горестный вздох в финале стихотворения: «Когда бы грек увидел наши игры...» Убийственный контраст между 20 веком-«зверем», как его назвал Мандельштам в другом стихотворении, и милой сердцу Элладой, своего рода «золотым веком», как бы смягчен таким ступенчатым возвращением к прошлому.

«В Петрополе прозрачном мы умрем...»

В этом стихотворении поэт рисует как бы мифологическую картину эпохи (дата написания 0 1916 год) – времени и места, в которых распоряжается богиня смерти. Произведение пронизано предчувствием гибели целой культурной эпохи и своей трагической судьбы. Требуется пояснения тот факт, что Афина названа здесь «богиней моря». Видимо, потому, что Афина считалась изобретательницей корабля.

«Золотистого меда струя из бутылки текла...»

В этом стихотворении, написанном как воспоминание о Крыме (Таврида – древнегреческое название Крыма, бывшее некоторое время официальным в 18 – первой половине 19 века после завоевания Крыма Потемкиным). Видно, как постепенно проступают черты античности сквозь современность. В последних двух строфах мы наблюдаем целый фейерверк сюжетов, вспыхивающих в сознании одновременно: Елена Прекрасная и Троянская война, Пенелопа, ждущая Одиссея, и поиски золотого руна. В последних строках упоминание о возвращении Одиссея звучит как нота тоски по дому в это страшное и бездомное время (стихотворение написано в 1917 году).

КАССАНДРЕ

Сложное стихотворение, рисующее картину общего безумия. Образ Кассандры, пророчествам которой никто не верил (последним из них было предсказание гибели Трои) как бы и является метафорой всеобщей слепоты. В предпоследней строфе мы видим упоминание о Пушкине, который, являясь воплощением нормы, дан как контраст дикому «скифскому» празднику.

«За то, что я руки твои не сумел удержать...»

В этом стихотворении звучат и развиваются на первый взгляд независимо друг от друга две темы: утраченной любви и гибели Трои, «милрой Трой», сливаясь в контрапункте чувством отчаяния и неизбежности того, что произойдет, происходит, уже произошло.

Итак, из анализа первой группы стихотворений видно, что все основные составляющие античной культуры (литературы) нашли отражение в творчестве Мандельштама: и мифология, и лирика, и эпос, и трагедия. Вторая группа произведений показывает нам, какое огромное место занимает античность в сознании поэта: и события личной жизни, и сама эпоха воспринимаются им сквозь призму античности.